

Если Сириус Блэк рассчитывал, что после выхода из лечебницы Хогвартс радостно откроет ему свои двери, он жестоко ошибался. В ответ на его письмо Дамблдору с просьбой разрешить посетить школу, дабы встретиться с Гарри Поттером, директор прислал в ответ пространное уклончивое послание, из которого следовало, что посетители в школу не допускаются, но, возможно, Блэк сможет увидеть крестника на летних каникулах.

По мнению Сириуса, директор школы решил, что он до сих пор может командовать им, что, по мнению бывшего заключенного, было в корне не верно. И Блэк в ближайшее время собирался доказать это на практике. Тем более Локхарт твердо дал слово помочь ему увидеть крестника на Хеллоуин, до которого оставалось не так уж много времени. Гилдерой оказался нормальным парнем и тоже хотел «поблагодарить» Дамблдора за выговор, полученный за заботу о Гарри Поттере. Хотя Сириус подозревал, что Локхарт просто думал о том, как сделать Гарри что-то приятное на этот день.

Выйдя из лечебницы, Сириус поселился в старом доме своих родителей. Изначально он хотел избавиться от него — слишком много тяжелых воспоминаний вызывал этот особняк, но рассказ Локхарта о том, что Волдеморт вновь пытался возродиться, заставил Блэка изменить решение. Семейный особняк Блэков обладал, пожалуй, лучшим в Британии набором защитных чар, и отказываться от столь безопасного места в подобное время было бы как минимум глупо. Особенно с учетом того, что Блэк надеялся, что там с ним поселится и Гарри.

Как раз сейчас магия дома известила Блэка о появлении на пороге давно ожидаемого посетителя. Хоть Ремус Люпин не удосужился поздравить старого друга с освобождением, Блэк не собирался изображать каменного истукана и делать вид, что его это не волнует, и он и сам думать забыл о товарище. Глубокие заочные обиды были не в характере Сириуса. Если Лунатик считает его недостойным общения, пусть выскажет это в лицо! Лучше добрая драка, чем худой мир.

— Ну, здравствуй, дружище, я рад, что ты все же решился встретиться со мной, — если Сириус и был обижен на Ремуса, то вид оборотня заставил его отказаться от резких слов, приготовленных для него. — Заходи, поговорим.

— Бродяга, прости, что не попытался написать тебе или встретиться, но я просто не знал, что ты оказался на свободе, — Люпин виновато опустил голову, не решаясь пройти в дверь. — Я... я сейчас не в лучшей форме, и лишь урывками получаю информацию, да и то с запозданием.

— Ладно, замяли, — Блэк сделал шаг к другу и крепко обнял его. — С тобой все ясно, старый разбойник.

Сириусу не требовалась легилименция, чтобы правильно истолковать эвфемизмы товарища. Было понятно, что Ремус сидел на мели и попросту не мог позволить себе покупать газеты. А то, что он являлся оборотнем, не добавляло ему популярности в глазах волшебников и сильно ограничивало источники получения информации. Попросту говоря, маги брезговали общаться с ним. Ну, хоть в Азкабан не бросили, и то хорошо!

— Пошли, выпьем чего-нибудь! — Сириус взлохматил редкие волосы Ремуса. — Только не шуми в холле, у меня там портрет мамы висит, как проснется, вопит, словно резаный.

— Так сними его, — прошептал Ремус. — Зачем мучиться?

— Не скажи, вещь полезная, — оскалился Блэк. — Представляешь, заходит кто-нибудь в гости, над кем и пошутить не грех, достаточно забыть предупредить его — и готово, нервный шок обеспечен. А спросят, почему не убрал, скажу, что мама портрет «вечным» клеем приклеила, не отодрать.

— Твои шуточки всегда были грубоватыми, — Люпин улыбнулся. — Но в качестве дополнительной сигнализации эта вещь вполне подойдет.

— Ну, о сигнализациях мы еще поговорим, — Блэк наконец добрался до бутылки огневиски и щедро плеснул его в стаканы. — Давай сначала за нас, за то, что мы по-прежнему друзья!

* * *

Понятно, что, начав разговор с одной бутылки, третьей они его не закончили. И Сириус, приняв утром антипохмельное зелье и посчитав пустую тару, по достоинству оценил масштаб пьянки. Главное было не начинать лечить подобное подобным, а то, как известно, похмелье та же пьянка, только в два раза больше. Конечно, чрезмерное потребление горячительного — это зло, но в данном случае оно было необходимым. Огневиски развязало Люпину язык, и Блэк узнал много нового о жизни волшебной Британии без всяких прикрас, ну или почти без них. Что ни говори, Ремус с детства привык «приглушать» акценты в своих рассказах.

Блэк помнил, как они с друзьями мечтали о том мире, который будет после победы над Волдемортом, но, увы, реальность оказалась мало похожа на их наивные фантазии. Волшебный мир категорически не желал меняться, и ничего из их былых планов так и не было реализовано. По-прежнему в Министерстве Магии на всех теплых местах сидели чистокровные, которые не спешили пускать в свои ряды волшебников с «сомнительным» происхождением. По-прежнему те же оборотни находились фактически вне закона, у них не было ни прав, ни работы, и они считались практически животными. По-прежнему Дамблдор призывал всех сохранять стабильность, даже если для тебя эта стабильность была равносильна медленной мучительной смерти.

То, как общество отнеслось к тем, кто сражался и погибал за него, хорошо было видно на примере Люпина. Пока шла война, он был нужен, так как Волдеморт собирал под свои знамена многих бесправных существ, в том числе оборотней, а они доверяли только своим. Благодаря Ремусу Дамблдор оперативно получал информацию о том, какой позиции в войне

придерживается та или иная стая оборотней.

Но все имеет свойство заканчиваться, в том числе и война. И когда потребность в информации исчезла, Дамблдор попросту заявил, что Люпин может распоряжаться собой, как ему заблагорассудится, что с учетом положения оборотней в Англии означало — выкинул на помойку. Никто не удосужился поинтересоваться у него, не нуждается ли он в работе, хотя о чем говорить, если волшебники дружно забыли даже о Гарри Поттере, который спас их всех. И кстати о мальчике, Сириус напрасно думал, что Люпин не пытался связаться с ним.

Как ни тяжело ему было вспоминать погибших друзей, Ремус несколько раз пытался писать Гарри, желая рассказать тому о родителях и хотя бы так почтить их память. Но, увы, совы каждый раз приносили письма обратно. Обратившись к Дамблдору, Люпин узнал, что для безопасности Поттера он недоступен для почты. А заодно выяснилось, что защита, наложенная на место, где живет Гарри, не позволит приблизиться туда темному существу, к коим относились оборотни.

— Выпей зелье, станешь похож на человека! — бодро заявил Сириус входящему в гостиную другу. Было понятно, что Ремус успел отвыкнуть от дружеских посиделок, и сейчас на его физиономии было написано абсолютное отвращение к жизни во всех ее проявлениях. — Давай, давай, я сам такой недавно был.

Бросив хмурый взгляд на развалившегося в кресле Блэка, Люпин кое-как добрался до стола и одним залпом проглотил лекарство.

— Бр... редкостная гадость, — констатировал он хриплым голосом. — Но помогает отменно. Вчера я, похоже, немного перебрал.

— Немного!!! — заржал Сириус. — Мне пришлось на руках тащить тебя в постель, Лунатик! И не удивляйся, если найдешь на себе несколько синяков — это я пару раз задел тебя об углы.

Было видно, что Люпин внутренне оценивает свое состояние и находит его не столь блестящим, как ему хотелось бы. Но совесть не позволила оборотню обвинять друга, так как тот, очевидно, заботился о нем, пусть и с присущей ему грацией. А ждать от Сириуса особо бережного обращения по большому счету и не приходилось, так как он и сам вчера был пьян в стельку. Сделав несчастное лицо, Ремус печально посмотрел на стол, на котором не наблюдалось ничего съестного, и, вздохнув, направился на кухню.

— Сделай и мне яичницу, — прокричал ему Блэк, с наслаждением вытягивая ноги. — И кстати, ты вчера так и не сказал, почему вместо того, чтобы маяться среди волшебников, не стал искать работу у маглов?

— Я же упоминал, что Дамблдор надеялся видеть меня образцом законопослушности для других оборотней, — донеслось от плиты. — А я не мог его подвести. Ты же понимаешь, у остальных оборотней не было такого друга, как Лили, которая просветила бы их относительно жизни у маглов.

— Знаешь, дружище, но твой пример учит как раз тому, что законопослушание ни к чему хорошему не ведет, — пророкотал Блэк. — И что-то мне подсказывает, что я не первый, кто говорит тебе это.

— Ты прав, Бродяга, но я хотел быть полезным Дамблдору, — голос Люпина постепенно падал.
— Оказалось, это очень страшно — быть никому не нужным.

— Ты нужен мне, приятель, и не только мне, — Сириус решил, что нужно срочно поднять другу настроение. — Но хватит болтать, тащи сюда все, что нажарил! О делах будем говорить на сытый желудок.

* * *

Разведка... Кажется, в самом этом слове заключены романтика и приключения, особенно если оценивать это дело по фильмам о Джеймсе Бонде. В реальности же все не столь замечательно, и это легко мог бы подтвердить Карло Фенелли, который уже шестой час подряд лежал в кустах под проливным дождем. Основой войсковой разведки является наблюдение за противником, поэтому Карло с привычным упорством уже не первые выходные следил за домом Барти Крауча.

Многофункциональный омнинокль, купленный в Косой Аллее, с успехом заменял ему средства оптического наблюдения, и в сочетании с тепловизором, удачно «приобретенным» во время поездки на Балканы, позволял контролировать хозяев, находясь на почтительном расстоянии от объекта. Как и в прошлые разы, Фенелли обнаружил в доме три объекта, два из которых он однозначно идентифицировал как мистера Крауча и домового эльфа Винки. Самого Крауча он встречал в министерстве, а предполагать, что это мог быть какой-нибудь другой домовик, у него оснований не было. Ну а третий объект, почти все время неподвижно лежавший в одной из спален, должен был быть Барти Кручем-младшим, на которого Карло и охотился.

К глубокому разочарованию Фенелли, Крауч оказался донельзя пунктуальным человеком и ни разу за время наблюдения не оставлял своего сына в одиночестве. Это лишало Карло возможности зачистить его без свидетелей, а проверить это дело Фенелли собирался без лишнего шума. Приходилось разрабатывать вариант с зачисткой воспоминаний Барти-старшего, а для этого следовало старательно изучить распорядок дня, которого придерживались обитатели дома.

Жизнь научила сержанта, что торопливость редко приводит к чему-либо хорошему, поэтому он одну субботу за другой старательно выходил на разведку, каждый раз внося записи обо всех перемещениях объектов. Карло собирался совершить нападение в тот момент, когда Винки не будет дома, так как был не уверен, что заклинание «Обливиэйт» будет работать на домовике, а Фенелли не хотелось убивать кого бы то ни было без особой нужды. И здесь пунктуальность

Крауча должна была пойти на пользу делу.

Как и ожидал Фенелли, ровно в половину второго Винки исчезла из дома, по всей видимости, аппарировала, дабы закупить продуктов. Что и подтвердилось спустя сорок минут, когда эльфийка вновь появилась сразу же на кухне, где и продолжила оставаться еще полтора часа. Фенелли удовлетворенно отметил, что отклонение времени ее отсутствия от ранее высчитанной величины не превысило трех минут. Так что он может гарантированно рассчитывать на полчаса времени для проведения операции. Конечно, он был должен уложиться в двадцать минут, но иметь запас никогда не вредно.

* * *

Конец октября спешил порадовать второкурсников Хогвартса резким холодным ветром, бросавшим им в лицо мелкие капли моросящего уже третьи сутки дождя. В такую погоду больше всего хотелось усесться перед камином и наслаждаться теплом, слушая шум ветра за окном. Но, увы, злобный демон, по какому-то недоразумению именуемый профессором Локхартом, назначил им в этот день занятия на улице, возле теплиц профессора Спраут.

Ребята тесно кучковались, надеясь хоть немного защититься товарищами от ветра, но помогало это слабо. Гарри, Гермиона и Рон стояли, тесно прижавшись друг к другу, и с изумлением смотрели на профессора, который, судя по выражению лица, буквально наслаждался отвратительной погодой. Поттер помнил, сколько раз Локхарт говорил о пользе закаливания, выгоняя его на зарядку в любую погоду, и мысленно порадовался, что летом хоть временами и шли дожди, но, по крайней мере, не было холода.

— Итак, юные леди и джентльмены, в этом году вы должны будете изучить методы борьбы с мелкими волшебными вредителями, — бодро начал Локхарт. — И очень кстати, что профессор Спраут обнаружила, что возле ее владений поселились гномы. Сегодня мы и опробуем методы борьбы с ними.

Среди школьников раздалось несколько смешков, а на лицах большинства ребят появилось выражение разочарования. Видимо, мало кто считал борьбу с этими самыми гномами достойным занятием.

— Мало меня мама дома гоняла, чтобы чистил огород от этих недомерков, так и здесь то же самое, — недовольно проворчал Рон. — И стоит торчать на холоде, чтобы заниматься этой ерундой.

— Вы только и можете, что гномов гонять, — прошипел стоящий неподалеку Малфой. — Тоже мне волшебники.

К сожалению, профессор отличался хорошим слухом и уловил слова Рона. А усмешка на его губах ясно сказала Гарри, что его друг в очередной раз сумел нарваться у преподавателя ЗОТИ на неприятности.

— О, мистер Уизли, кажется, может нам рассказать, как правильно проводить дегномизацию!
— Локхарт насмешливо посмотрел на рыжего гриффиндорца. — Выходите вперед и расскажите нам о вашем методе.

Рон покраснел, но храбро шагнул к преподавателю. Гарри помнил, что его друг упоминал о том, что частенько боролся с гномами, так что вроде бы причин волноваться не было. Но что-то в тоне Локхарта заставляло Поттера сомневаться в этом.

— Чтобы извести гномов, надо поймать одного, раскрутить и забросить подальше, сэр, — неуверенно начал Рон. — Он пока летит, кричит, и другие гномы на шум выходят. Тогда надо хватать следующего и также крутить и кидать. А раз он раскручен, у него голова закружится, и он дорогу назад не найдет.

Преподаватель с демонстративным вниманием выслушал ответ мальчика и предложил ему на практике провести описанные действия. Полученный дома опыт сказался положительно, и гриффиндорец показал настоящий класс в метании гномов.

— Ой, они же живые, — насупилась Гермиона. — Зачем с ними так жестоко поступать!

— Достаточно, мистер Уизли, — остановил Рона профессор. — А теперь скажите, опираясь на собственный опыт, насколько быстро гномы возвращаются назад?

— М... в тот же день, — пробормотал явно смутившийся Рон. — Но просто им у нас нравится.

Увы, но ученики не оценили по достоинству гостеприимство дома Уизли и дружно рассмеялись. Гарри, хоть и хотел поддержать друга, тоже не смог удержаться от смеха. Теперь он понял, что изначально вызвало у него подозрение: ведь если бы метод Рона был эффективным, тому не пришлось бы гонять гномов все лето. Однако Рон не остался неотмщенным, так как дети, похоже, забыли, на чьем уроке они сейчас находятся.

— Вам кажется, что урок — это подходящее время для смеха? — громкий голос Локхарта положил конец веселью. — Тогда я вам напомню, зачем мы здесь собрались. Всем, кроме Уизли, десять отжиманий!

Отжиматься в мокрой траве было весьма сомнительным удовольствием, поэтому, когда дети встали, улыбок на их лицах больше не было.

— Итак, у кого будут другие идеи? — Локхарт выдержал паузу, но так и не получил ответа. — Ну что же, мистер Малfoy, вы так активно критиковали мистера Уизли, что наверняка знаете

этот вопрос лучше его. Прошу!

Слизеринец явно не ожидал, что у профессора окажется настолько хороший слух, и растерялся, затравленно посматривая по сторонам в поиске поддержки. Гарри одобрительно кивнул Рону, который с нескрываемым удовлетворением ухмылялся, глядя на Драко.

— Сэр, их надо просто убивать, — наконец нашелся Малфой. — Тогда они точно не вернутся.

— Интересная идея, — Локхарт на секунду задумался, а затем ловко подхватил не вовремя вылезшего из норы гнома и кинул его мальчику. — Ну что же, поскольку у нас практическое занятие, убейте его.

Гарри не мог поверить своим ушам, что профессор предложит им убивать живое существо! Пусть гномы и не считались вполне разумными, но все же они могли говорить и были похожи на людей! Гарри недоуменно посмотрел на Гермиону, надеясь, что она объяснит ему, что происходит, но, похоже, та была ошеломлена не меньше, чем он.

— Это же урок, а не бойня! — гневно произнесла подруга. — Гарри, это неправильно!

Поттер был полностью согласен с ней, но он хотел доверять Локхарту. Сжав ее руку, он взглядом попросил ее подождать, чем закончится дело. Да и не только они, весь класс замер, пораженно глядя на профессора. Замер и Малфой, который, машинально поймав гнома, теперь в ужасе смотрел на него.

— Ну же, мистер Малфой, вы сами указали способ борьбы с этими вредителями, так будьте любезны продемонстрировать нам его, — безжалостно подстегнул слизеринца Локхарт. — Тот, кто предлагает уничтожить кого-то, должен быть готов делать это собственными руками.

Неизвестно, сколько бы еще думал Драко, но гному надоело висеть на руке мальчика, и он, извернувшись, впился зубами в ладонь Малфоя. Закричав от резкой боли, Драко выпустил мелкого вредителя, и тот шустро нырнул в нору. Над классом пронесся вздох облегчения, и лица детей просветлели.

— Ну а теперь, кто-нибудь знает более действенный метод? — Локхарт оглядел учеников, но ни одна рука не поднялась. — Я так и думал! Та вот, приступим к изучению более гуманной методики, рекомендованной, между прочим, в одной из моих книг. И что характерно, она гораздо эффективнее, чем те, что были сегодня продемонстрированы.

Остальной урок прошел вполне нормально, и Рон наконец узнал, как избавиться от еженедельной летней повинности. Гарри уже успел позабыть о столь суровом начале занятия, а вот профессор — нет.

— Все могут быть свободны, — Локхарт удовлетворенно наблюдал за последними гномами,

удирающими в сторону хижины Хагрида. — Грейнджер, Поттер, вам за выкрики на уроке по отработке. В субботу после обеда жду вас у выхода из замка.

* * *

— Это абсолютно несправедливо! — Гермиона ходила взад-вперед у ворот замка. — Ладно, профессор наказал меня, я действительно не молчала, но тебя-то за что! И кстати, я все равно считаю, что права, и не собираюсь молчать в другой раз! Почему ты ничего не сказал профессору, он бы наверняка снял с тебя наказание, поняв, что ошибся?

— Скорее, добавил бы еще, — философски заметил Гарри. — Обосновав тем, что оправдания — это худший вид пререканий.

— Вы правы, мистер Поттер, — незаметно подошедший Локхарт одобрительно кивнул. — Но если уж вам, мисс Грейнджер, так нужна причина наказания, считайте, что вашему другу досталось за то, что он не сумел удержать вас от болтовни на уроке.

Услышав про «болтовню», Гермиона обиделась и гордо замолчала, надув губы. Дети вслед за преподавателем направились к опушке Запретного леса, где их, по всей видимости, ждал очередной этап восстановления полосы препятствий, что вся школа создавала на многочисленных отработках у Локхарта. К радости подавляющего большинства младшекурсников, на ней тренировались только старшие школьники, на каждом занятии разнося преграды чуть ли не вдребезги. Но благодаря оригинальной методике оценки успехов учеников профессор Локхарт не испытывал проблем с рабочей силой.

— Сэр, я хотел спросить, а если бы Малфой убил того гнома, что бы было? — Поттер решил, что раз Гермиона молчит, неудобный вопрос должен задать он. — Это же практически убийство.

— Гарри, если бы я испытывал хоть малейшие сомнения в том, что мистер Малфой сможет хладнокровно убить это существо, я бы никогда не предложил ему сделать это, — Локхарт внимательно посмотрел на него. — Мне нужно было показать всем любителям строить из себя «крутых мачо», что их ждет на самом деле, если им удастся реализовать свои фантазии. А тут подвернулся подходящий случай.

— Но ведь это же очень жестоко! — Гермиона не смогла долго молчать. — Можно же было просто объяснить!

— Вы думаете, Драко не знает, что убийство даже полумразумного существа это то, чем не следует хвастаться в приличном обществе? — иронию в голосе профессора заметил бы даже

этот самый полумразумный гном. — Но он явно наслушался сказок о «благородной борьбе» своего отца и его сподвижников и мечтает повергать к ногам толпы противников. А так он ощутил на себе, как будет выглядеть эта самая борьба.

— Вряд ли он оценит урок, — Поттер не скрывал своего скепсиса. — Он же всерьез считает окружающих низшими существами.

— Не он, так, возможно, кто-то другой, — пожал плечами профессор. — По крайней мере, я сделал, что мог. И кстати, Гарри, не обижайся на эту отработку, это не наказание, а способ прогуляться с вами сегодня к Запретному лесу.

Дети удивленно уставились на преподавателя. Нет, Локхарт порой вел себя весьма оригинально, и ожидать от него можно было чего угодно, но столь экстравагантный способ обеспечить себе компанию вызывал подозрения. К тому же Гарри давно заметил, что у профессора многие действия имеют второе, а то и третье дно.

— А что мы будем делать на прогулке? — вполне логично поинтересовалась Гермиона. — Нет, мы, конечно, с удовольствием прогуляемся с вами, но ведь вы могли и просто предложить это.

— И тогда все задавались бы вопросом, почему это мы решили пойти на улицу в Хеллоуин, когда вся школа активно встречает праздник, — хмыкнул Локхарт. — А мне показалось, что сегодня подходящий день для того, чтобы познакомить вас с интересным человеком. Его зовут Ремус Люпин, он дружил с родителями Гарри и может рассказать ему о них намного больше, чем я.

Теперь Гарри понял, зачем профессор так оригинально пригласил их погулять, и отругал себя за несообразительность. Он же сам хотел пообщаться с Сириусом Блэком, поговорить с ним о папе и маме, но профессор МакГонагалл сказала ему, что посещение учеников Хогвартса посторонними людьми не допускается, а сам он сможет покинуть школу только на каникулах. Гарри молча принял это, но все же поведал о своей обиде Локхарту. И профессор пообещал помочь ему, по возможности. И вот он таки нашел эту самую возможность.

— Спасибо, профессор, — Гарри, признаться, не особенно умел благодарить кого бы то ни было и сейчас искренне сожалел об этом. — И если я вас понял, мы не должны болтать об этом.

— Ну, по большому счету это не является нарушением, так как вы встретитесь с ним не в самом замке, — неопределенно начал преподаватель. — Но с учетом того, что он является оборотнем, действительно не стоит кричать о вашей встрече в большом зале.

— Оборотень?! Но ведь они же опасны! — Гермиона замерла на месте. — Вы же сами писали, что почти все они антисоциальные существа.

— Вот именно «почти», — уточнил профессор, не сбавляя шаг. — И если вы помните, я сказал, что он был другом родителей Гарри. Люпина в детстве укусил оборотень, но его приняли в

Хогвартс, и он закончил школу и даже был старостой.

Гермиона и остановившийся вместе с ней Гарри поспешили догнать профессора. Поттер не слишком-то много знал об оборотнях, но он был абсолютно убежден, что опасность они представляют лишь в ночи полнолуния. В остальное время они были самыми обычными людьми. Спасибо Локхарту, который просветил его в этом деле, да и Гермионе, которая старательно перечитала все книги профессора, щедро делясь с Гарри знаниями. Сейчас был день, и до полнолуния оставалась целая неделя, поэтому опасаться было нечего.

— Профессор, а как же он учился в школе? — Гарри представил себе, как в его спальне кто-нибудь из ребят превращается в волка. — Ведь в полную луну он должен был оборачиваться.

— Об этом вы можете спросить его самого, — хмыкнул Локхарт. — Но если вы немного поработаете мозгами, ответ будет очевиден. Его безопасность, а вернее безопасность окружающих, обеспечивалась точно так же, как и во всем волшебном мире. По крайней мере, как она должна обеспечиваться.

Гарри решил последовать совету профессора и подумать, почему маги не боятся выходить на улицу ночью в полнолуние. Как ни удивительно, ответ пришел почти сразу, и не только к нему.

— Конечно, их просто запирают! — воскликнула Гермиона, довольная своей сообразительностью. — Только непонятно, почему их тогда вообще боятся.

— Видимо, потому, что не все оборотни хотят запираться, — вздохнул преподаватель. — И из-за нескольких негодяев, которым нравится быть кровожадными зверьми, страдает большинство оборотней.

— Но с этим же надо что-то делать, — Гермиона как всегда остро воспринимала несправедливость. — Ситуацию же можно изменить.

— Конечно, можно, — Локхарт внимательно посмотрел на Гермиону. — К примеру, зарегистрировать всех оборотней и обязать их являться в полнолуние в определенные места. А тех, кто откажется, — уничтожать.

Ну что же, план по мнению Гарри, был вполне выполнимым. Вот только профессор недавно сказал одну интересную вещь насчет того, что, если хочешь кого-нибудь извести, будь готов сделать это собственными руками. И судя по всему, Локхарт, в отличие от Малфоя, был готов убивать, а вот насчет себя Гарри был до конца не уверен.

* * *

Когда они подошли к опушке, то увидели сидящего на бревне Ремуса Люпина, рядом с которым вальяжно устроился большой черный пес. Дети настороженно смотрели на не совсем званого гостя Хогwartса, а сам Люпин испытывал явное смущение. Зато пес, похоже, вообще не знал, что значит это слово, и, радостно залааяв, бросился к Гарри, усиленно запрыгав вокруг него и пытаясь выразить свой восторг иными, присущими собакам способами.

— Ого, а ты ему, похоже, понравился, — Фенелли порадовался, что при виде большой собаки Гарри не испугался, а, правильно оценив намерения пса, принялся чесать его за ушами. Видимо, общение Поттера с Клыком Хагрида благотворно сказалось на отношении ребенка к животным, что было не лишним, если вспомнить о тетушке Мардж. — Позвольте вам представить, Ремус Люпин и Бродяга. А это, разумеется, Гарри и Гермиона.

Первоначально Блэк просил Фенелли не говорить детям о том, что Ремус является оборотнем. Он хотел, чтобы они сначала познакомились с ним, а потом уже узнали о его истинной сущности. Но Карло твердо настоял на своем мнении, напомнив, что Гарри воспитывался вне волшебного сообщества, и его предубеждения не въелись в голову Поттера с раннего детства. Кроме того, взрослые и так слишком часто умалчивали многие вещи, касающиеся Гарри, поэтому чем больше открытости будет в отношениях с ним, тем больше он будет доверять Сириусу и Люпину. Ну и главное, о чем не забывал Фенелли, это безопасность самого Поттера. Если он будет знать, что Ремус оборотень, он ни при каких обстоятельствах не пойдет искать его в полнолуние. В жизни случается всякое, и подстраховаться не помешает.

Ну а то, что Поттер придет не один, а с подругой, для Сириуса вообще не было проблемой. Он, скорее, обрадовался, что у Гарри есть друзья, и был не прочь посмотреть на них. По мнению Карло, он рассчитывал узнать в них Мародеров. Конечно, можно было взять с собой еще и Рона, но Фенелли считал, что первую встречу Гарри с Блэком и Люпином этому не слишком тактичному парню лучше пропустить. Ну а дальше решать уже самому Поттеру.

Разговор Ремуса с детьми начался несколько натянуто, но постепенно становился все более и более свободным. Люпин со все большим и большим воодушевлением рассказывал о совместных проделках с Джеймсом и о том, как их отчитывала за это Лили. При этом пес своим лаем в нужных местах расставлял акценты в рассказе Люпина, подчеркивая особенно интересные места. Карло, дабы не мешать беседе, отошел немного в сторону и наблюдал за реакцией детей. Если Поттер был полностью увлечен общением с другом своего отца, то Гермиона не забывала поглядывать по сторонам, и не только смотреть, но и видеть.

Прошло не так уж много времени, когда Гермиона начала кидать подозрительные взгляды на излишне сообразительного пса. Гермиона нахмурилась и вопросительно посмотрела на Карло, явно рассчитывая получить у профессора подтверждение своим идеям, которые не могли не возникнуть после истории с Коростой. Фенелли придал своему лицу самое невинное выражение, делая вид, что не замечает интереса девочки к собаке, и ожидал, что последует дальше. Убедившись, что на этот раз помощи от преподавателя не предвидится, гриффиндорка не впала в растерянность, а решительно потянулась к своей палочке. Как не раз повторял детям Фенелли, критерием истинности того или иного утверждения является практика, и Гермиона явно решила воплотить этот принцип в жизнь.

— Верам Формам! — Гермiona, сжав губы, указала палочкой на пса.

— Пертификус Тоталус! — едва на месте собаки появился молодой мужчина, Гарри «приголубил» его заклинанием обездвиживания. — Мистер Люпин, вы ничего не хотите рассказать?

Несколько обалдевший от боевитости детей Ремус, тем не менее, сохранил должное хладнокровие перед нацеленными на него палочками школьников, и, сидя на месте, подчеркнуто продемонстрировал свои пустые руки. Он явно не знал, что говорить в этом случае, но ему и не пришлось этого делать, так как Фенелли устал сдерживать себя и громко расхохотался. Причиной этого стало выражение лица Блэка, который успел удивиться своему превращению, да так и застыл с более чем забавной физиономией.

— Профессор, вы знали! — сделал очевидный вывод Гарри. — А кто это, кстати?

— А это, собственно, знаменитый Сириус Блэк, которого сумели поймать двое школьников, и который должен мне теперь бутылку огневиски, — удивление на лице Поттера вызвало очередной приступ смеха у Фенелли. — Ну ладно Гермiona, я показал ей, что даю карт-бланш, но ты-то почему атаковал Блэка?

— Гермiona ударила заклинанием и я тоже, — смущенно заявил Гарри. — Да и вы сами, когда проявился Петтигрю, сразу ударили по нему, вот я и поддержал атаку. Фините Инкантатем!

Сириус, к которому вернулась подвижность, принял сидячее положение и с видимым удовольствием оглядел крестника.

— Гарри, я даже подумать не мог, что наша встреча получится столь веселой, — он издал лающий смешок. — Джеймс бы точно гордился тобой! И, Локхарт, я тебе должен не одну, а две бутылки, признаться, оно того стоило!

— Вы поспорили, что мы распознаем маскировку мистера Блэка? — Гермiona слегка нахмурилась. — Но ведь профессор МакГонагалл говорила, что анимагия — это сложнейшая часть трансфигурации, а мы в этом году постоянно сталкиваемся с ней. В этом веке ведь зарегистрировано всего семь анимагов, а мы уже видели трех.

— Из них двух подпольных, — не забыл уточнить Блэк, довольно ухмыльнувшись. — К тому же добавь сюда и Джеймса Поттера.

— Сириус и Джеймс были очень сильными волшебниками, — грустно произнес Люпин. — И они помогли Петтигрю освоить это превращение.

— И я бы не стал столь сильно доверять официальной статистике, — добавил Карло. — Думаю, многие маги не спешат уведомлять министерство о своих способностях.

Гермиона кивнула и задумчиво посмотрела на Гарри. Нетрудно было догадаться, какой план возник в ее голове. Фенелли, еще читая книги Роулинг, сильно удивлялся тому, что эта фанатка знаний не воспользовалась знакомством с Сириусом, дабы самой попытаться стать анимагом. Но здесь она встретила его раньше и в гораздо более благоприятной обстановке, так что ее интерес все же проснулся.

Но Гарри в данном случае не надо было уговаривать, так как он и сам уже задал вопрос о том, поможет ли ему отыскать свою звериную половину человек, являющийся, по мнению мальчика, экспертом в этом вопросе. Причем Гарри заметил, что хотел бы освоить это искусство, не извещая о том министерство магии. Нетрудно догадаться, что доблестный мистер Блэк усиленно похвалил столь достойную идею, особо отметив правильность подхода в скрывании магических навыков от чиновников. Гермиона при этом слегка нахмурилась, но для нее выбор между тем, чтобы изучать что-то новое, нарушая правила, или же не нарушать их, но и не учиться, был очевиден. Так что стоило Сириусу начать давать практические советы по тому, с чего стоит начать подготовку, как законопослушная мисс Грейнджер мигом забыла про все запреты, жадно ловя каждое слово опытного волшебника.

В отличие от Люпина, Сириус гораздо быстрее нашел общий язык с детьми и уже спустя несколько минут после знакомства весело обсуждал с ними школьную жизнь. Как ехидно подумал Карло, этому наверняка способствовало то, что мистер Блэк во многом сам оставался подростком. А кто еще мог бы с таким восторгом просить рассказать из первых уст историю с подштанниками Малфоя?

— Кстати, Гарри, чуть не забыл, — Блэк хлопнул себя ладонью по лбу. — Я надеюсь, ты продолжаешь славное дело Джеймса и не забываешь усиленно изучать замок? Там есть множество тайных ходов и вообще интересных мест.

— Мы пока ничего не нашли, кроме подземелья, где был философский камень, — засмутился Поттер. — А что за подземные хода?

— Они позволяют тайно выходить из школы! — лицо Сириуса расплылось в довольной улыбке. — Мы столько всего протащили в Хогвартс в свое время, помнишь, Лунатик?

— Да, мы частенько бегали в Хогсмит, и не только, — вздохнул Люпин. — Хотя я, как староста, и должен был бы пресекать подобные вещи, а не участвовать в них.

— Теперь понятно, как близнецы Уизли притаскивают в школу всякую дрянь, — деловито заметила Гермиона и тут же со страхом покосилась на Фенелли. — Ой, профессор, я не должна была этого говорить. И, конечно, мы не будем, нарушая правила, покидать школу.

— Не волнуйтесь, я знаю о маленьких шалостях учеников, — усмехнулся Карло. — Но тайные ходы вы и в самом деле можете поискать. Хотя бы для того, чтобы, став старостой, задерживать возле них контрабандистов.

— Как это пыталась делать Лили, — заржал Блэк. — Нас она несколько раз ловила, но по

большей части мы ее умудрялись обхитрить.

Гермиона закатила глаза, показывая всем своим видом, что она полностью солидарна с мамой Гарри. Упоминание Фенелли о том, что она может стать старостой, явно придало ей сил в отстаивании принципа неукоснительного соблюдения всяческих правил. Люпин сочувственно посмотрел на нее, но ничего не сказал, видимо, предполагая, что со временем ей придется столкнуться с той же дилеммой, что и ему: выбирать между верностью друзьям и верностью формальностям. Карло, впрочем, не сомневался, какой она сделает выбор.

— А как вы их искали? — Гарри явно всерьез воспринял идею о том, что должен продолжить дело отца. — Наверное, с помощью специальных чар?

— О, тут важнее всего наличие природной интуиции, — важно заявил Сириус. — И упорство в достижении цели.

— Для начала мы составили карту школы, — Люпин решил раскрыть часть секретов этой самой «интуиции». — Потом мы ее еще и зачаровали, но для начала и обычная карта сильно помогла. Если хорошенько подумать, глядя на нее, то можно обнаружить, где искать тайные ходы.

— Ну а раз уж вы твердо решили пойти по нашим стопам, — Сириус изобразил величественность, которую не смогло испортить даже скептическое фырканье Гермионы, — мы сделаем вам подарок, раскрыв тайну одного из ходов. Он начинается под Дракучей ивой и ведет в Визжащую хижину. Конечно, просто так к дереву не подойти, но есть один секрет...

* * *

К небольшому домику, расположенному неподалеку от теннисных кортов на Инлкен-роунд, в Кинтебере, графство Суррей, подошел странно одетый мужчина. Его фигуру было почти невозможно описать из-за темного плаща, который, скорее, можно было назвать балахоном, лишь время от времени из-под него показывался носок грубого армейского ботинка. На голове незнакомца, вызывая некоторый диссонанс со странным плащом, была одета вязаная лыжная шапочка, а в руках он держал изящную кожаную папку, которая больше подошла бы одетому с иголки адвокату, а не подобному чучелу.

Впрочем, оценить по достоинству внешний вид мужчины было некому, так как и сам этот дом, и окружающий его сад самым странным образом игнорировались подавляющим большинством людей, проходящих мимо. Поэтому, когда незнакомец трижды стукнул по специальной пластинке большим бронзовым кольцом, заменяющем здесь звонок, никто этого не увидел.

— Что вам угодно? — открывший дверь мужчина неприветливо посмотрел на гостя. — Не припомню, чтобы мы договаривались о встрече мистер...

— Локхарт, Гилдерой Локхарт, — мужчина протянул руку, которую хозяин с неохотой пожал. — Я понимаю, мистер Крауч, что бестактно беспокоить вас дома, но, увы, обстоятельства не дают мне возможности посетить министерство. Если вы не в курсе, я сейчас работаю преподавателем ЗОТИ в Хогвартсе, и школьные дела не дают возможности хотя бы на час вырваться оттуда в удобное для вас время.

— Короче, мистер Локхарт, у меня много дел, — хозяин дома решительно прервал излияния гостя. — Что вам от меня потребовалось?

— О, всего лишь одну подпись на разрешение на ввоз в Англию карликовой виверны, — посетитель вежливо улыбнулся. — Вы же понимаете, это чистая формальность, но без нее дети останутся без важного наглядного пособия.

— Делами надо заниматься в офисе, — все еще хмурясь, но уже более вежливым тоном заявил мистер Крауч. — Проходите, на этот раз я подпишу, но на будущее постарайтесь все же выкроить время для посещения меня в моем кабинете.

Хозяин пропустил гостя в дом и пошел к журнальному столику, стоящему в углу холла, при этом повернувшись к посетителю спиной. Именно этого и ожидал Фенелли, тут же бросив в Крауча Пертификус Тоталус. Не теряя зря времени, Карло бросился на второй этаж, где в одной из спален должен был находиться Барти Крауч-младший. В левой руке сержанта словно по волшебству материализовался пистолет, в то время как правая сжимала палочку. Фенелли надеялся, что Крауч-старший, оставаясь дома без домовика, держит сына в бессознательном состоянии, но некоторая предусмотрительность была не лишней.

— Акцио, мантия! — Карло направил палочку на диван, который вроде бы был пуст. Но тепловизор, с помощью которого сержант следил за домом, указывал, что в этом месте должен находиться человек. Как он и предполагал, под мантией-невидимкой лежало безвольное тело тридцатилетнего парня. Еще раз применив «блокировочное» заклятье, Фенелли решил подойти к Барти-младшему. Думать, что это мог быть кто-то другой, было бы как минимум наивно.

— Обливиэйт! Обливиэйт! Обливиэйт! — Карло вкладывал всю силу, чтобы превратить опасного упиванца в овощ. По большому счету, это было излишне, так он не собирался оставлять Барти в живых, но убийство следовало совершить так, чтобы оно было похоже на естественную смерть, а здесь возможны всякие неожиданности, так что Фенелли в очередной раз решил перестраховаться.

Достав из кармана шприц, в котором отсутствовала игла, Карло с силой разжал рот упиванца и вставил его как можно глубже в горло Барти. Резкое нажатие на поршень и пациент угодился цианидом калия. Не прошло и нескольких секунд, как перед ним лежало мертвое тело, и на первый взгляд могло показаться, что покойный умер от сердечного приступа. Яд обычного

мира был выбран, чтобы Барти-старший не смог обнаружить признаков насильственной смерти от магии. А уж к патологоанатому он тело сына не потащит.

Конечно, можно было ограничиться и одним Обливиэйтом, ведь, по сути, Барти стал безопасен, однако Карло помнил судьбу Берты Джоркинс и не хотел, чтобы с ней вновь случилось несчастье. Лучше уж на его совести будет одним трупом больше. Карло натянул на лицо шапочку, в которой имелись вырезы для глаз, и деловито направился вниз. Сейчас эльфа Краучей не было дома, но это не могло продолжаться бесконечно долго. Предположительно Винки должна была появиться через двадцать семь минут, но медлить все равно не следовало.

Дабы безопасно снять заклинание оцепенения, Карло уверенно нанес удар ребром ладони по шее Крауча. Теперь он некоторое время будет без сознания.

— Фините Инкатем! Обливиэйт! — он произнес заклинания очень аккуратно, дабы исчезли лишь последние воспоминания. — Конфундус!

Теперь осталось аккуратно перенести тело в спальню к мертвому сыну и можно смело покидать этот гостеприимный дом. Хозяин не будет помнить о визите Локхарта и, скорее всего, решит, когда вернется в сознание, что ему стало плохо от вида мертвого Барти-младшего. Конечно, оставлять столь полезную вещь, как мантия-невидимка, было жаль, но на этот раз следовало смириться с невозможностью добыть ценный трофей.

<http://tl.rulate.ru/book/53474/1352699>